

Российская академия наук
Институт экономики

Т.В. Натхов
Л.И. Полищук

Политэкономика институтов и развития:
как важно быть инклюзивным

(Размышления над книгой D. Acemoglu, J. Robinson, “Why Nations Fail”)

Москва
Институт экономики
2017

Т.В. Натхов, А.И. Полищук. Политэкономика институтов и развития: как важно быть инклюзивным: Доклад, М.: Институт экономики РАН, 2017. – 55 с.

ISBN 978-5-9940-0589-7

Аннотация. Анализируется эволюция взглядов на институты и развитие в современной политической экономии, в том числе в цикле исследований Д. Асемоглу и Дж. Робинсона о причинах успехов и неудач стран мира в экономическом развитии. Основное внимание уделяется противопоставлению инклюзивных и экстрактивных институциональных режимов, первый из которых способствует экономическому развитию, а второй – изъятию ренты и ее присвоению элитами. Экстрактивные институты, несмотря на их экономическую неэффективность, выгодны элитам и могут поэтому воспроизводиться в течение длительного времени в порочном круге экономического и политического неравенства. Представления о возникновении и воспроизводстве экстрактивных институтов иллюстрируются и уточняются на примере российских реформ начала 90-х гг., которые стали критической развилкой, предопределившей тип институционального режима на последующие десятилетия.

Ключевые слова: инклюзивные и экстрактивные институты, критические развилки, политическая экономия институтов и развития.

Классификация JEL: D72, O10, O57, P16.

T. Natkhov, L. Polishchuk

Political Economy of Institutions and Development: The Importance of Being Inclusive

(Reflection on "Why Nations Fail" by D. Acemoglu and J. Robinson)

Abstract. We discuss the evolving views on institutions and development in modern political economy, and in particular the contribution to the field by D. Acemoglu and J. Robinson, explaining root causes of successes and failures in economic development. The focus of discussion is on inclusive and extractive institutional regimes – the former sustain economic growth, whereas the latter enable the elites to expropriate the rest of society. Although extractive institutions are inefficient and obstruct development, they are preferred by the elites and hence can be reproduced over long periods of time in vicious circles of economic and political inequality. We apply the above concepts and views to the post-Soviet period of the Russian history, where the market reforms of the early 1990s became a "critical juncture" which has shaped Russia's institutional regime for decades to come.

Keywords: inclusive and extractive institutions, critical junctures, political economy of institutions and development

JEL Classification: D72, O10, O57, P16.

© Натхов Т.В., Полищук А.И., 2017

© Институт экономики РАН, 2017

© Валериус В.Е., дизайн, 2007

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
Глава I. Институты и развитие:	
теории, гипотезы, эмпирические свидетельства	8
1. Неоклассические представления о росте	8
2. Производительная и непроизводительная деятельность....	9
3. Эмпирические исследования	10
4. Конкурирующие гипотезы	14
Глава II. Институциональный выбор	18
1. Происхождение институтов	18
2. Предпочтения элит и нужды общества	19
3. Роль политических институтов	24
Глава III. Трансформация институтов	28
1. Институциональный дрейф.....	28
2. Есть ли выход из порочного круга?	29
3. Критические развилки	33
Глава IV. Выводы для России	36
1. Реформы и демократия	36
2. Возникновение экстрактивных институтов	38
3. За критической развилкой	41
4. Роль культуры	42
Глава V. Заключительные замечания	45
Литература	47
Об авторах	55

Введение

Книга Д. Асемоглу и Дж. Робинсона *Why Nations Fail* («Почему страны терпят неудачи»), вышедшая в свет в 2012 г., быстро стала международным бестселлером и вызвала живой отклик¹. Написанная в научно-популярном жанре, книга опирается на цикл исследований авторов о причинах успехов и неудач в экономическом развитии и представляет собой очерк мировой истории от неолита до наших дней, изложенной с институциональной точки зрения. В книге нет теоретических и прикладных моделей, использованных авторами в академических публикациях в поддержку своих выводов, — взамен эти выводы иллюстрируются многочисленными примерами из Древней, Новой и Новейшей истории, включая промышленную революцию в Европе, колонизацию Нового Света, постколониальную Африку, Советский Союз, императорский и современный Китай, и др. Авторы используют историю человечества как резервуар эмпирических данных и результаты гигантского естественного эксперимента.

Основной детерминантой развития Д. Асемоглу и Дж. Робинсон считают качество экономических и политических институтов. Сам по себе вывод о том, что хорошие институты способствуют развитию, а плохие — препятствуют ему, разумеется, не является оригинальным. Тезис о ключевой роли институтов в развитии является редким примером согласия экономистов разных школ и

---

1. D. Acemoglu, J. Robinson. *Why Nations Fail. The Origins of Power, Prosperity, and Poverty*. NY: Crown Business, 2012. В русском переводе книга вышла в 2015 г. под названием «Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты» (М: Изд-во АСТ). К выходу в свет русского издания был приурочен крутой стол, состоявшийся в НИУ ВШЭ 12 апреля 2016 г.; данная статья подготовлена по материалам наших выступлений на круглом столе. Мы признательны организаторам обсуждения книги Е.Г. Ясину и В.Е. Гимпельсону, а также А.Я. Рубинштейну, ставшему инициатором написания данной статьи и высказавшему полезные советы и замечания по поводу ее предыдущей версии. Мы также благодарны рецензенту Журнала Новой Экономической Ассоциации, принявшему статью к публикации. Статья подготовлена при поддержке Центра фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

взглядов. Дебаты в литературе ведутся, во-первых, относительно того, что считать хорошими институтами, во-вторых, являются ли хорошие институты предпосылкой или результатом развития, и в-третьих, какие еще факторы, помимо институтов и независимо от них, могут влиять на развитие (в числе таковых часто упоминаются география, культура и структура общества).

Вклад Д. Асемоглу и Дж. Робинсона в эти дебаты может быть суммирован в виде следующих основных тезисов².

Во-первых, для экономического развития необходимы *инклюзивные* экономические институты, обеспечивающие благоприятные условия для приложения труда и капитала, для инноваций и предпринимательства, а также для инвестиций в производственный и человеческий капитал. Инклюзивные институты — это используемые в производстве общественные блага; их видовой особенностью, как и общественных благ вообще, является недискриминационный доступ, в одинаковой мере открытый всем экономическим агентам. Примерами инклюзивных институтов являются универсальная защита прав собственности, свободная конкуренция, беспрепятственный доступ к рынкам и равенство граждан перед законом.

Противоположностью инклюзивным являются *экстрактивные* институты, предназначенные для изъятия экономического богатства и его перераспределения в пользу экономических и политических элит, составляющих правящий класс. Экстрактивные институты удушают частный сектор, подавляют предпринимательскую инициативу и препятствуют «созидательному разрушению» устаревших технологий и экономических порядков. Авторы утверждают, что инклюзивные институты обеспечивают устойчивый рост и процветание вне зависимости от истории и географии, тогда как экстрактивные институты в лучшем случае способны поддержать развитие в течение ограниченного периода времени и в конечном итоге ведут к застою и экономическому упадку.

Во-вторых, к инклюзивному либо экстрактивному типу могут быть отнесены не только экономические, но и политические институты. Экстрактивные политические институты концентриру-

---

2. В русскоязычной литературе основные положения Why Nations Fail удачно резюмированы А. Заостровцевым (2014).

ют политическую власть в руках правящих элит и не ограничивают эту власть системой сдержек и противовесов. Инклюзивные политические институты обеспечивают представительство во власти и влияние на государственные решения различных общественных групп; политическая система становится в таком случае *плюралистичной*. Для инклюзивных институтов необходима также определенная политическая централизация и способность государства защищать закон и порядок и предоставлять общественные блага и услуги.

В-третьих, между политическим и экономическими институтами существует тесная связь — как правило, в данной стране они относятся к одному и тому же типу. Экстрактивные политические институты дают элитам контроль над правилами игры в экономике, и правящий класс использует такой контроль к собственной выгоде, устанавливая экстрактивные экономические институты. Наоборот, в случае инклюзивных политических институтов экономические институты в большей мере отвечают интересам общества в целом и поэтому также относятся к инклюзивному типу.

Однотипные политические и экономические институты воспроизводят друг друга во времени, и такие конфигурации носят устойчивый характер. Инклюзивные экономические институты укрепляют общество, которое не позволяет элитам утвердить политическую монополию и в условиях политического плюрализма охраняет свои экономические интересы; возникает *«добродетельный круг» инклюзивных институтов* в экономике и политике. При экстрактивных экономических институтах массы находятся в экономической зависимости от элит и лишены поэтому политического влияния, так что политические институты тоже оказываются экстрактивными — возникает устойчивый *порочный круг экстрактивных институтов*.

Исторические перемены, в том числе, казалось бы, фундаментального свойства, далеко не всегда изменяют тип экономических и политических институтов, которые дрейфуют в одном и том же русле, нередко проложенном много лет назад. Однако — и это еще один ключевой тезис обсуждаемой книги — в истории могут возникать *критические развилки* (critical junctures), когда подоб-

ные динамические равновесия оказываются разбалансированными и появляется возможность качественных изменений институционального режима, при которых меняется его тип.

Попытка авторов предложить исчерпывающий универсальный взгляд на развитие человеческой цивилизации — своего рода «краткую теорию всего» — как и следовало ожидать, вызвала возражения представителей иных научных школ, критиковавших Д. Асемоглу и Дж. Робинсона за неточности и пробелы в изложении исторических событий, недооценку географии, истории и культуры как независимых от институтов факторов развития, чрезмерную общность формулировок, затрудняющую эмпирическую проверку основных положений книги, наличие «контрпримеров», не укладывающихся в концепцию *Why Nations Fail*, и пр.³ Следует согласиться с критиками книги, что «институциональный фундаментализм» (Rodrik, 2006) не позволяет должным образом учесть многообразие предпосылок и препятствий экономическому развитию.

Вместе с тем главный, по нашему мнению, тезис книги — о наличии фундаментального конфликта между институциональными предпочтениями элит и общества в целом и о том, что неподотчетные обществу элиты формируют институты по собственному усмотрению и такой выбор препятствует устойчивому экономическому росту, является весьма важным для понимания закономерностей экономического и политического развития. Этот тезис приобретает особое значение для стран с переходной экономикой, в том числе России, где еще свежи в памяти дебаты о роли общества в рыночных преобразованиях и целесообразности авторитарной стратегии развития и реформ.

Задача настоящей статьи — проанализировать основные положения и выводы *Why Nations Fail* (и лежащих в основе книги академических публикаций) в контексте современных институциональных исследований, уделяя особое внимание интерпретации этих выводов применительно к российским реалиям последних десятилетий. Нам представляется, что это позволит лучше понять и объяснить развитие страны на протяжении постсоветского периода ее истории.

---

3. См., напр., отзывы на книгу Дж. Сакса (Sachs, 2012) и Дж. Даймонда (Diamond, 2012). Развернутая критика трактовок в книге исторических событий дана В. Арслановым (2016 а,б).

Институты и развитие: теории, гипотезы, эмпирические свидетельства

1. Неоклассические представления о росте

Неоклассическая теория экономического роста говорит о том, что темпы роста экономики определяются накоплением производственного капитала и наличием рабочей силы (Solow, 1956, Swan, 1956). Эта теория воплощает «технологическое» представление об экономике как макроэкономической «производственной функции», трансформирующей факторы производства в выпуск продукции. Между тем тестирование данной теории на эмпирических данных выявило ее недостаточную предсказательную силу — вклад факторов производства объясняет лишь небольшую часть вариаций темпов роста национальных экономик. Развитие модели Солоу в последующие десятилетия привело к возникновению современной теории экономического роста (Aghion, Howitt, 1997), в которой учитывается, помимо прочего, накопление человеческого капитала, измеряемого образованием работников, а также технологический прогресс. Более совершенные модели гораздо точнее объясняют экономический рост, однако оставляют без ответа вопрос о том, от чего зависит склонность к инвестированию в производственный и человеческий капитал, а также к разработке и внедрению инноваций.

Ответ на этот вопрос дает новая институциональная экономика, рассматривающая институты как «правила игры» в экономике и обществе (North, 1990). Правила влияют на стимулы и поведение экономических агентов, и данный механизм заполняет пробелы неоклассической теории роста. При этом экономическая наука по сути дела возвращается к своему фундаментальному постулату о том, что (микро)экономическое поведение является реакцией на стимулы — игнорируя институты, экономисты забывали этот принцип, пытаясь объяснить функционирование экономики агрегированными макропоказателями (Easterly, 2001).

2. Производительная и непроизводительная деятельность

Личный успех в экономике может достигаться за счет производительных усилий, приумножающих общественное богатство, либо путем непроизводительной деятельности (известной также как борьба за ренту), направленной на перераспределение и присвоение уже имеющихся в экономике ресурсов и благ. Хорошие институты создают стимулы для производительного использования ресурсов, обеспечивая защиту прав собственности и контрактов и облегчая доступ к рынкам, тогда как плохие институты лишают экономических агентов такой защиты и повышают привлекательность борьбы за ренту. Экономическая отдача на сильные институты возникает как в статике (за счет эффективного использования имеющихся ресурсов, которые не отвлекаются на непроизводительную борьбу за ренту или защиту от экспроприации), так и в динамике, ввиду того, что защита прав собственности способствует накоплению факторов производства и созданию новых технологий. Вокруг этих тезисов выстраиваются различные теории влияния институтов на рост (см., напр., Murphy, Shleifer, Vishny, 1993; Acemoglu, 1995).

В частности, институты воздействуют на распределение талантов в экономике и обществе, в том числе на выбор сферы приложения предпринимательской энергии. Сильные институты стимулируют предпринимательство в смысле Шумпетера, включая разработку новых технологий, продуктов, способов организации производства и пр., и способствуют таким образом техническому прогрессу и «созидательному разрушению» устаревших и неэффективных порядков. Предпринимательство встречается и при плохих институтах, но в таких случаях оно направлено на более эффективную борьбу за ренту и поэтому подрывает рост (Baumol, 1990). Воздействие институтов на распределение талантов можно обнаружить и в том, в какие сферы деятельности устремляется одаренная молодежь — сильные институты повышают привлекательность для студентов вузов естественно-научных и инженерных специальностей, тогда как слабые — юриспруденции и государственного управления, которые принято связывать с борьбой за ренту (Murphy, Shleifer, Vishny, 1991; Натхов, Полищук, 2012). Будь то

предпринимательство или получение высшего образования, наиболее одаренные индивиды особенно чувствительны при выборе сферы деятельности к качеству институтов, а темпы роста, в свою очередь, находятся в сильной зависимости от того, как творческая и предпринимательская элита распоряжается своими талантами.

3. Эмпирические исследования

Для эмпирической проверки гипотезы о влиянии институтов на развитие необходимы сопоставимые институциональные индикаторы. Первоначально в качестве таковых использовались разрабатываемые консалтинговыми фирмами индексы инвестиционного риска и привлекательности различных стран. Затем разработка измерителей институтов была поставлена «на поток», к этой деятельности подключились различные международные организации и аналитические центры (см., напр., Polishchuk 2013), и многообразие институциональных индексов нужно было привести в определенную систему. С этой целью в инициированном Мировым банком проекте Governance Matters ежегодно рассчитываются агрегированные индексы качества институтов в следующих категориях: верховенство закона, административная эффективность, качество государственного регулирования, предотвращение коррупции, подотчетность власти, политическая стабильность и недопущение насилия (Kaufman et al., 2010).

Располагая подобными индексами, можно анализировать их статистическую связь с показателями экономического развития, а также исследовать причинную направленность такой связи. В числе первых влияние институтов на рост эмпирически исследовал Р. Барро (Barro, 1991; 1996), интересуясь, помимо прочего, ролью политической стабильности и уроном от искажений свободного рынка; позднее в список объясняющих переменных были включены индексы демократии и верховенства закона.

Вероятно, впервые задача измерения вклада институтов в состояние и развитие экономики была явным образом сформулирована Ф. Кифером и С. Нэком (Keefe, Knack, 1995). Используя различные индикаторы качества институтов, в том числе рисков экспроприации и индексов верховенства закона, эти авторы пока-

зали, что при наличии сильных институтов развивающиеся страны быстрее сближаются с развитыми, тогда как в случае слабых институтов экономическая отсталость принимает хронический характер.

П. Мауро (Mauro, 1995) впервые измерил влияние качества бюрократии и уровня коррупции на экономический рост; им обнаружена отрицательная корреляция коррупции с темпами роста и уровнем инвестиций. Р. Хэлл и Ч. Джонс (Hall, Jones, 1999) уточнили механизм воздействия институтов на экономический рост, показав, что сильные институты повышают отдачу на факторы производства — капитал и особенно труд. Таким образом, институты влияют на производительность традиционных факторов роста и можно утверждать, что институты находятся с этими факторами в отношении взаимной дополняемости. Это означает что при слабых институтах даже богатые факторами производства страны оказываются неспособными к устойчивому развитию, поскольку неэффективные институты обесценивают ресурсный потенциал, тогда как сильные институты позволяют скомпенсировать нехватку факторов производства и способствуют ускоренному накоплению последних.

Регрессионные оценки связи институтов и экономического роста могут быть поставлены под сомнение ввиду известной в статистике проблемы эндогенности. В межстрановых институциональных исследованиях потенциально присутствуют все основные причины смещения оценок при наличии эндогенности — пропущенные переменные, погрешности измерения и возможность обратной причинной связи. Контрольные переменные, включаемые в регрессионные модели, едва ли исчерпывают многообразие факторов, которые помимо институтов могут воздействовать на экономический рост. Методики расчета институциональных индексов весьма несовершенны и содержат значительный шум (Bardhan, 2005), который лишь отчасти устраняется агрегированием различных индикаторов (Kaufman et al., 2010). Наконец, в противоположность *институциональной гипотезе*, рассматривающей сильные институты как предпосылку экономического роста, выдвигается *гипотеза развития*, согласно которой причинная связь направлена противоположно — от роста к сильным институтам (Glaeser et al., 2004).

Проблема эндогенности решается с использованием инструментальных переменных, которые статистически связаны с объясняющей переменной (в данном случае институтами), но не оказывают прямого (не опосредованного институтами) воздействия на объясняемую переменную (развитие). Примерами инструментальных переменных в исследованиях связи институтов и развития являются этнолингвистическая неоднородность населения (Mauro, 1995), география и доля населения, владеющая европейским языком (Hall, Jones, 1999), а также тип правовой системы (legal origin), относящейся к англосаксонской либо континентальной семьям права (La Porta et al., 2008). К сожалению, валидность указанных инструментов может быть оспорена, вследствие чего проблема эндогенности в анализе институтов и развития оставалась (и в известной степени остается) нерешенной.

В поисках доказательства влияния институтов на развитие Д. Асемоглу, С. Джонсон и Дж. Робинсон обратились к идее *естественных экспериментов*. В естественных науках контролируемый эксперимент давно стал «золотым стандартом» в исследованиях причинно-следственных связей. Общественные науки отличаются от естественных невозможностью чистого экспериментирования. В последние годы экономисты и политологи все чаще проводят контролируемые полевые или лабораторные эксперименты на микроуровне, однако очевидно, что подобные эксперименты невозможны в макроэкономике — правительства и центральные банки не могут себе позволить манипулировать экономическими инструментами в исследовательских целях.

Доступной альтернативой остается использование исторических данных «квазиэкспериментальной» природы, когда те или иные страны на различных этапах своей истории подвергаются определенным воздействиям, причем вариации этих воздействий носят экзогенный — случайный или, по крайней мере, не связанный с интересующими исследователя характеристиками развития характер. В таких случаях имеются основания говорить о естественных экспериментах (Diamond, Robinson, 2010).

Наиболее убедительные естественные эксперименты возникают при разделе однородных в экономическом, географическом и культурном отношениях государств и насаждении в раз-

ных частях таких государств различных институциональных порядков. Примерами таких «экспериментов» могут служить Северная и Южная Корея, а также Восточная и Западная Германия до их объединения в нынешнюю ФРГ. Однако единичные примеры не могут дать статистического подтверждения институциональной гипотезы, для которого необходимы более массовые естественные эксперименты.

Пригодным для анализа экспериментом оказалась колонизация европейцами Азии, Африки и Америки. В (Acemoglu, Johnson, Robinson, 2001) в качестве источника экзогенной вариации рассматривается смертность европейских поселенцев в колониях, а в следующей работе (Acemoglu, Johnson, Robinson, 2002) — плотность населения и урбанизация будущих колоний. Более высокая урбанизация облегчила контроль колонизаторов над населением и ресурсами (драгоценными металлами, возделыванием тропических культур и пр.), что привело к установлению и воспроизводству в таких колониях неэффективных экстрактивных институтов. Аналогичный эффект имела высокая смертность европейских поселенцев вследствие тропических болезней — в таких случаях колонии осваивались «вахтовым методом», и для изъятия из них ресурсов в пользу метрополии также насаждались экстрактивные институты внешнего контроля. Напротив, колонии с более благоприятным климатом и низкой плотностью местного населения осваивались самими колонистами, и там возникали более благоприятные для развития инклюзивные институты. Статистические тесты свидетельствуют о валидности урбанизации и смертности поселенцев как инструментальных переменных⁴.

---

4. В то же время такой подход встречает возражения, например, на том основании, что колонисты привозили в страны с благоприятными для жизни условиями полезный для развития человеческий капитал, и именно он, а не более совершенные институты, способствовали экономическому росту таких стран (Glaeser et al., 2004). Корректность используемых в (Acemoglu, Johnson, Robinson, 2001) данных также стала предметом научной полемики (Albouy, 2012). Несмотря на выдвигаемые возражения, указанные работы Д. Асемоглу, С. Джонсона и Дж. Робинсона привлекли внимание экономистов и политологов к использованию естественных экспериментов в институциональных исследованиях и способствовали резкому росту числа работ, использующих данную эмпирическую методику (подробнее см. (Diamond, Robison, 2010)).

4. Конкурирующие гипотезы

Помимо проанализированной выше институциональной гипотезы, согласно которой качественные институты обеспечивают экономический рост, в литературе предлагаются альтернативные объяснения успехов и неудач в экономическом развитии. Среди этих объяснений наиболее популярны географическая и культурная гипотезы, а также гипотеза развития.

Географическая гипотеза связывает состояние экономики с особенностями климата, выходом к морю и иными обстоятельствами, коренящимися в расположении той или иной страны на глобусе. В частности, утверждается, что в жарком климате значительно повышаются издержки производства и социальной сферы, распространены тропические болезни, невозможно эффективное сельское хозяйство⁵, а отсутствие собственной береговой линии создает препятствия международной торговле (Gallup, Sachs, Mellinger, 1999). Неоспоримо влияние на экономику природных ресурсов, включая водные запасы, плодородие почв и полезные ископаемые.

Сторонники институциональной гипотезы не отрицают роли географии в экономическом развитии, но утверждают, что влияние географии на состояние экономики опосредовано институтами. В частности, возделывание тропических культур ввиду возрастающей отдачи на масштаб эффективно на крупных плантациях, на которых до механизации сельского хозяйства использовалось большое количество живого труда. Спрос на дешевый труд удовлетворялся работорговлей, вследствие чего в тропических странах возникла поляризация общества на рабов и рабовладельцев, а вместе с ней неэффективные институты, поддерживающие такую социальную структуру (Engerman, Sokoloff, 2000). Известно также, что аналогичным образом значительное – чаще негативное – влияние на институты оказывает наличие природных ресурсов (см., например, Robinson, Torvik, Verdier, 2006); данный эффект является частью синдрома «ресурсного проклятия».

---

5. Любопытна российская версия географической гипотезы, противоположная общепринятой, где источником проблем в экономике считается холодный климат (А. Паршев. Почему Россия не Америка. М.: Крымский Мост–9Д, 1999).

Эконометрический анализ подтверждает роль институтов как «передаточного механизма» воздействия географии на развитие. Согласно (Easterly, Levine, 2003), географические факторы, включая широту, выход к морю, наличие полезных ископаемых и сельскохозяйственных угодий, не вносят дополнительного — сверх опосредованного институтами — статистически значимого вклада в объяснение различий в экономическом развитии между бывшими колониями. Аналогичный вывод получен Д. Родриком с соавторами: при контроле на качество институтов прямое влияние географии на развитие оказывается незначительным (Rodrik, Subramanian, Trebbi, 2004)⁶. Таким образом, географическая гипотеза не опровергает, а скорее подтверждает институциональную, если иметь в виду, что институты могут быть эндогенными в отношении географии.

Сторонники географической гипотезы, тем не менее, продолжают настаивать на прямом влиянии географии на экономические результаты, ссылаясь при этом на упомянутую выше связь климата и технологии, ресурсную обеспеченность, транспортную доступность и пр. (Sachs, 2012; Diamond, 2012). Ряд авторов (см. обзор Nunn, 2009) утверждают, что влияние географии на развитие может быть опосредовано историей (но не институтами!). По мнению Дж. Даймонда (Diamond, 1997), экономические различия в современном мире уходят корнями в неолитическую революцию, когда в ряде регионов мира в силу особенностей географии раньше других состоялся переход к сельскому хозяйству, вследствие чего эти регионы получили осязаемые до сих пор преимущества в социальном, политическом и технологическом развитии. Согласно (Ashraf, Galor, 2013), география повлияла на миграцию *Homo sapiens*, а тем самым и на генетическое разнообразие населения тех или иных стран, которое, в свою очередь, оказалось значимым фактором развития в современном мире. Тесты медиации (Baron, Kenny, 1986), представленные в (Olsson, Hibbs, 2005), указывают на то, что влияние географии на раз-

---

6. Авторы указанной работы рассматривают смертность поселенцев в бывших колониях как полезный в статистическом анализе источник экзогенных вариаций, но в отличие от Д. Асемоглу, С. Джонсона и Дж. Робинсона не считают эмпирически доказанной причинную связь между колониальным прошлым и современными институтами.

витие, вопреки процитированным выше работам, не полностью опосредовано институтами.

Согласно *культурной гипотезе*, развитие экономики зависит от преобладающих в обществе норм и ценностей. В частности, в развитии западной цивилизации большую роль сыграла «протестантская этика», тогда как азиатские экономики опирались в своем развитии на культуру и этику конфуцианства (см., напр., Licht, Goldschmidt, Schwartz, 2007; Nunn 2012). Значимыми для развития оказались «индивидуалистские ценности», которые создавали сравнительные преимущества по сравнению с коллективистски устроенными обществами (Greif, 1994). Устаревшие идентичности (Akerlof, Kranton, 2000) и лояльности (Greif, Tabellini, 2010) могут оказаться серьезным препятствием экономическому росту.

Культурная гипотеза, вместе с тем, неспособна объяснить порой значительные различия в состоянии экономики между близкими в культурном отношении странами (то же справедливо и в отношении географии; наиболее яркий пример — Северная и Южная Кореи). Более того, культуру правомерно рассматривать как неформальную разновидность институтов, и в таком случае культурная гипотеза поглощается институциональной. Наконец — и в этом еще одна аналогия с географией — влияние культуры на экономический рост также опосредовано (формальными) институтами (Putnam 1993; Tabellini 2008). В странах с более высоким уровнем доверия, запасах гражданской культуры и либеральной этикой правительства более подотчетны и эффективны, лучше защищены экономические права и свободы и как следствие выше общественное благосостояние.

Таким образом, институты выделяются на фоне прочих объяснений экономических успехов и неудач государств — Д. Родрик с соавторами уподобляют институты «козырной карте», которая «бьет» все остальные факторы роста (Rodrik, Subramanian, Trebbi, 2004). Полемизируя с критиками *Why Nations Fail*, Д. Асемоглу и Дж. Робинсон утверждают, что аналитические концепции полезны в том случае, когда они выявляют ключевые механизмы и абстрагируются от прочих, менее существенных объяснений⁷. Глав-

---

7. <http://whynationsfail.com/blog/2012/11/21/response-to-jeffrey-sachs.html>.

ными в объяснении развития авторы считают институциональные и политические факторы. Упоминание политики в этом контексте на первый взгляд выглядит неожиданным — ведь до сих пор речь шла о важности для развития *экономических* институтов.

Институциональный выбор

1. Происхождение институтов

Ранние институциональные теории исходили из спонтанного возникновения и эволюции институтов под действием своего рода «невидимой руки». В частности, согласно эволюционным представлениям, более эффективные институты возникают «органически» в процессе естественного отбора, вытесняя менее продуктивные способы организации экономики (Eggertsson, 1990). Институты следуют за меняющимися потребностями экономики и общества и модифицируются всякий раз, когда возникает возможность получить чистую выгоду по сравнению с устаревшими альтернативами.

Несколько иной механизм спонтанной эволюции институтов предполагается уже упоминавшейся гипотезой развития, согласно которой институты совершенствуются по мере и в результате экономического роста. Механизмы причинной связи, направленной от развития к институтам, включают в себя рост образования и урбанизации, способствующие накоплению человеческого и социального капитала, что, в свою очередь, повышает способность общества создавать и поддерживать более эффективные порядки. В частности, согласно восходящей к С. Липсету (Lipset, 1960) *гипотезе модернизации*, в более экономически благополучных странах большие шансы на успех получает демократия, с помощью которой общество реализует свои потребности в прогрессивных институтах.

Для более поздних исследований характерен отход от детерминизма в описании институциональной динамики — иначе трудно объяснить устойчиво низкое качество институтов во многих странах и частые неудачи институциональных реформ в третьем мире и государствах с переходной экономикой. Д. Норт, Дж. Уоллес и Б. Вайнгаст (North, Wallis, Weingast, 2009) выделяют два типа институциональных режимов — порядки ограниченного и открытого доступа, во многом аналогичные экстрактивным и инклю-

живным институтам. В первом случае экономика и общество контролируются элитами, привилегии которых являются источником значительной ренты. Рента цементирует институциональный порядок и может использоваться для предотвращения угроз и вызовов ограниченному доступу. Напротив, основой порядка открытого доступа является конкуренция в экономике и политике и свободное формирование организаций для представления интересов различных общественных групп. Режим ограниченного доступа обладает значительной внутренней устойчивостью и может воспроизводиться на протяжении многих веков; несмотря на их экономическую неэффективность, такие режимы преобладают по сей день.

2. Предпочтения элит и нужды общества

Д. Норт определяет институты как устанавливаемые людьми правила и ограничения, которые поддерживают правила игры в экономике, политике и обществе (North, 1991). Согласно этому популярному определению, институты рукотворны и могут рассматриваться как результаты осознанного выбора заинтересованных действующих лиц. Выбор, как обычно в экономике, диктуется предпочтениями, однако особенность институтов в том, что они создаются совместными усилиями. Таким образом, возможность участвовать в институциональном выборе зависит от того, до какой степени различные группы в обществе способны осознать свои интересы и действовать сообща ради единой цели — иными словами, в какой мере они способны решить *проблему коллективных действий*.

Одним из первых исследователей этой проблемы был М. Олсон (Olson, 1965), который обратил внимание на то, что действенные стимулы для участия в коллективных действиях проще обеспечить в малых группах. Данное обстоятельство дает элитам значительные преимущества в самоорганизации по сравнению с массами и порождает порядки ограниченного доступа, опирающиеся на внутриэлитные коалиции (North, Wallis, Weigast, 2009). Вдобавок элиты могут инвестировать в институты свое богатство и влияние. Именно поэтому в порядках ограниченного доступа институциональный выбор находится в руках элит. Экономические

последствия контроля элит над институтами зависят от того, до какой степени институциональные предпочтения элит согласуются с широкими общественными интересами.

Как правило, предпочтения элит и общества в отношении институтов находятся в остром конфликте друг с другом – обществу необходимы инклюзивные институты, тогда как экономическим интересам элит отвечают институты экстрактивного типа. Природу такого конфликта проще всего проиллюстрировать на примере общественных благ, с которыми инклюзивные институты имеют много общего, будучи полезными и доступными всем экономическим агентам. Выигрыш от наличия общественных благ в полном объеме реализуется обществом в целом, и поэтому чем меньшая часть населения (элиты) распоряжается ресурсами общества в собственных интересах, тем меньшая доля этих ресурсов будет направлена на создание общественных благ. Этот вывод не противоречит тому, что элиты, как и все прочие, ценят *собственную* выгоду от общественного блага. Такая прямая выгода элит в силу малочисленности последних составляет лишь малую долю (в пределе – «меру ноль») выигрыша общества в целом, вследствие чего общественного блага оказывается значительно меньше, чем в общественном оптимуме, и элиты компенсируют этот дефицит частным потреблением⁸. Элементами такой стратегии являются эксклюзивный для элит доступ к качественному здравоохранению и образованию, «приватизация безопасности» в виде огороженных комплексов (*gated communities*; Polishchuk, Sharygina, 2016), а также использование мировой финансовой и корпоративной инфраструктуры взамен национальных банков, судов и корпораций.

Применительно к институтам данный вывод означает, что элиты жертвуют совокупной экономической эффективностью ради собственной выгоды и взамен инклюзивных вводят экстрактивные

8. Формально: если функция полезности каждого из N членов общества имеет вид $U(x, G) = x + u(G)$, где x – частное, а G – общественное потребление, и W – суммарные ресурсы, распределяемые между частным и общественным потреблением, то общественно оптимальное количество общественного блага G^* определяется согласно правилу Самуэльсона $Nu'(G^*) = 1$ (предполагается, что $G^* < W$). Если же размер общественного блага G выбирается в интересах группы из $n \ll N$ участников («элиты»), контролирующей суммарный ресурс W , то будет выполняться равенство $nu'(G) = 1$, и при «неоклассических» предположениях относительно функции полезности общественное благо окажется значительно недофинансированным. См. также (Epple, Romano, 1996).

институты, позволяющие элитам присваивать ресурсы общества — с очевидным уроном для экономического развития. Экстрактивные институты не только перераспределяют богатство в пользу элит, но и влекут за собой большие безвозвратные потери и оказываются, таким образом, «игрой с отрицательной суммой»⁹. Последствиями таких институтов, помимо глубокого неравенства между богатыми и бедными, является экономическая стагнация и низкий уровень душевых доходов.

Ряд авторов видят возможность большей гармонии в институциональных предпочтениях общества и элит. Общий интерес в развитии может возникнуть вследствие конкуренции стран на международной арене (Sachs, 2012); в крайней форме эта точка зрения находит выражение в известном тезисе Ч. Тилли о том, что войны способствуют консолидации и развитию государств на основе экзистенциального общего интереса (Tilly, 1975; см. также Besley, Persson, 2011). Вместе с тем одного лишь давления извне недостаточно для формирования инклюзивных институтов и устойчивого развития — А. Гершенкрон иллюстрирует это на примере российской истории, когда периоды развития в ответ на внешние вызовы и угрозы (например, в годы правления Петра Первого и Сталина) оказывались сравнительно краткосрочными, оплачивались непомерной ценой и заканчивались откатом с завоеванных позиций (Gerschenkron, 1962).

М. Олсон (Olson, 1993) предлагает еще одну возможность сближения интересов элит и общества — правящий класс рассматривает экономику как свою налоговую базу и поэтому оказывается естественным образом заинтересованным в экономическом развитии. Наличие у элит всеобъемлющих (encompassing) экономических интересов сближает институциональные предпочтения элит с нуждами общества, причем тем сильнее, чем прочнее позиции элит. Устойчивый авторитарный режим, получивший метафорическое наименование «стационарного бандита», по мнению М. Олсона, создает благоприятные условия для экономического разви-

---

9. Аналогичные безвозвратные потери, известные как *deadweight loss*, возникают при обычном налогообложении ввиду искажения рыночных сигналов и экономических стимулов. Такая аналогия закономерна, если учесть, что экстрактивные институты предполагают явное и неявное налогообложение неэлитного сектора экономики в пользу элит.

тия, поскольку способен окупить повышением налоговых сборов долгосрочные инвестиции в рыночную инфраструктуру, включая создание относительно инклюзивных институтов. «Стационарный бандит» умеряет свои сиюминутные аппетиты с тем, чтобы получить превосходящий выигрыш в будущем. В таких случаях, по выражению Дж. Сакса, «диктаторы иногда становятся проводниками (agents) глубоких реформ» (Sachs, 2012, p. 143).

В то же время силу такого рода стимулов не следует преувеличивать (McGuire, Olson, 1996). Во-первых, налоговое бремя «стационарного бандита» значительно превышает общественный оптимум, поскольку налоговые сборы по-прежнему являются источником обогащения элит, несмотря на то, что часть этих средств расходуется на общественные блага. Во-вторых, сохраняется дефицит общественных благ, поскольку элиты видят отдачу от общественных благ лишь в виде роста налоговых сборов, который составляет только часть совокупного общественного выигрыша. В результате элиты по-прежнему недооценивают общественные блага по сравнению с обществом в целом и предоставляют их в меньшем размере, чем того требуют общественные интересы. Чрезмерное изъятие ресурсов из частного сектора и нехватка общественных благ и факторов производства указывают на то, что создаваемые «стационарным бандитом» институты сохраняют в значительной мере экстрактивный характер. Эмпирические данные также вселяют сомнения в благотворном влиянии на институты устойчивых авторитарных режимов — несменяемость недемократической власти отрицательно коррелирована с защитой прав собственности (Besley, Ghatak; 2010; см. также Polishchuk, Syunyaev 2015).

М. Макгвайр и М. Олсон (McGuire, Olson, 1996) указывают на еще один возможный механизм сближения институциональных предпочтений элит и общества/частного сектора в целом — если правящий класс имеет в частной собственности рыночные активы, то это ставит его в один ряд с прочими предпринимателями и создает общую для всех потребность в рыночной инфраструктуре и хорошем инвестиционном климате. Такая гипотеза, однако, исходит из сомнительного предположения о том, что неподконтрольные элиты устанавливают общие для всех правила игры, вместо того, чтобы следовать принципу «друзьям — все, врагам — закон».

Более реалистичный анализ указывает на вероятный рост налогового бремени на «неэлитный» сектор при наличии у элит собственных рыночных интересов, дабы подавить конкуренцию и не допустить экономического укрепления масс, что могло бы поставить под угрозу политические привилегии элит (Acemoglu, 2006)¹⁰. Добавок если активы элит сосредоточены в определенных секторах экономики (например, в ресурсных отраслях), то это усугубляет дефицит общественных факторов производства в прочих отраслях (Polishchuk, 2013).

Наконец, элиты могут препятствовать экономическому прогрессу из опасения, что модернизация экономики способна поколебать сложившийся экономический и политический порядок и создать угрозу доминированию элит. В таком случае возможный экономический выигрыш элит от модернизации оказывается обремененным значительными политическими рисками, вследствие чего элиты отказываются от развития и делают рациональный с их точки зрения выбор в пользу сохранения неэффективного статус-кво (Robinson, Acemoglu, 2006). Данный эффект убедительно иллюстрируется в *Why Nations Fail* на примере Австро-Венгерской, Османской и Российской империй.

Австро-Венгерская монархия в начале XIX в. препятствовала индустриализации, опасаясь политически нежелательной концентрации рабочих в городах. Конкуренция подавлялась монополиями и гильдиями. Железные дороги не разрешались, дабы на них «не приехала революция». Власти полагали, что более независимыми и экономически благополучными подданными труднее управлять. Аналогичные примеры без труда обнаруживаются в российской истории XIX в., включая финансовую поддержку крупных поместий с большим числом крепостных и многочисленные препятствия — вплоть до прямых ограничений и запретов — развитию промышленности, а также нежелание создавать железнодорожную сеть. В Османской империи книгопечатание находи-

---

10. Даже в тех случаях, когда массы не подвергаются прямой экспроприации и в экономике устанавливаются одинаковые для всех правила, элиты предпочитают неоптимальный с точки зрения интересов общества вариант таких правил, и в частности противятся полноценной защите прав собственности и беспрепятственному доступу к рынкам (подробнее см. (Polishchuk, Savvateev, 2004; Polishchuk, 2013)). Такие искажения институциональных предпочтений элит объясняются возрастающей отдачей на масштаб в борьбе за ренту.

лось под запретом в течение почти 300 лет после его изобретения в Европе, а первая типография, открывшаяся в 1727 г., была помещена решением султана под цензурный надзор комиссии богословов, дабы предотвратить появление в книгах «ошибок». Еще одна империя – Китайская – видела угрозу стабильности в международной торговле, которая жестко ограничивалась и время от времени подвергалась полному запрету. Препятствия правящих элит модернизации и утверждению инклюзивных институтов привели к хроническому отставанию упомянутых империй от более динамичных государств, болезненным военным поражениям, а в случае Австро-Венгрии и Османской империй – к их распаду после Первой мировой войны.

3. Роль политических институтов

Из сказанного становится понятно, почему *политические* институты имеют столь важное значение для *экономического* развития. Политические институты распределяют полномочия в принятии общественных решений, включая выбор экономических институтов, и в большей или меньшей степени заставляют элиты считаться с нуждами общества в таком выборе. Бесконтрольные элиты устанавливают оптимальные для себя экстрактивные экономические институты; по указанной причине политическая монополия элит получает в *Why Nations Fail* название экстрактивных политических институтов. Плюрализм политической системы наделяет политическим влиянием группы, не относящиеся к элитам, вследствие чего выбор экономических институтов становится более сбалансированным и инклюзивным. В таком случае и сами политические институты оказываются инклюзивными – во-первых, буквально, поскольку в институциональном выборе участвуют и неэлитные акторы, и во-вторых, ввиду последствий для экономических институтов. Таким образом, заключают Д. Асемоглу и Дж. Робинсон, влияние политических институтов на рост опосредовано сознательным выбором экономических институтов и тем, чьи интересы учитываются в таком выборе¹¹.

---

11. Подробнее см. (Заостровцев, 2014). Тезис о том, что воздействие на экономику политических институтов опосредовано экономической политикой государства, включая выбор экономических

Если важность для роста инклюзивных экономических институтов практически никем не оспаривается, то распространение этого тезиса на политические институты встречает в литературе возражения. Критики такого взгляда ссылаются на экономические успехи авторитарных режимов, особенно в Азии (Sachs, 2012), где «диктаторы принимают верные экономическим решения», а растущая экономика, в соответствии с гипотезой модернизации, создает предпосылки для последующих политических реформ и в конечном итоге для утверждения демократии (Glaeser et al., 2004). Авторитарная система, по мнению ее сторонников, свободна от популистского давления, не связана необходимостью достижения политических компромиссов, способна мобилизовать ресурсы на ключевых для развития направлениях и действовать быстро и решительно, когда это необходимо. Последний аргумент часто выдвигался в пользу авторитарного сценария реформ в развивающихся и посткоммунистических странах (см. дискуссию по этому поводу в Rodrik, 1996; Hellman, 1998), и мы вернемся к нему далее в статье.

Д. Асемоглу и Дж. Робинсон, напротив, предостерегают от «очарования авторитарного роста», который, по их мнению, с неизбежностью ограничен во времени и находится в сильной зависимости от импорта идей и технологий. Такой «догоняющий» рост может способствовать частичному преодолению бедности и отсталости, но не достигает технологической границы. Экстрактивные политические институты защищают интересы элит от инноваций и блокируют «созидательное разрушение» по Шумпетеру, которое является мотором современного экономического развития. Неслучайно «разворот фортуны» (reversal of fortune) в пользу стран с более инклюзивными институтами произошел во время промышленной революции, когда резко возросла роль инноваций в экономическом развитии (Acemoglu, Johnson, Robinson, 2002).

При эмпирической проверке вклада политических институтов в экономический рост инклюзивные политические институты обычно рассматриваются как синоним демократии. На самом деле

институтов, общепринят в современной политической экономике (см., напр., (Persson, Tabellini, 2000; Persson, Besley, 2011)). Согласно Д. Норт, «экономические институты – права собственности и пр. ... – являются производными от политических институтов. Политическая система определяет экономические правила игры» (North, 2009, p. 27).

такое отождествление не всегда правомерно ввиду того, что номинально демократические политические системы могут де-факто оставаться под контролем элит, как это наглядно иллюстрируется многочисленными примерами, приведенными в *Why Nations Fail* (см. также (Acemoglu, Robinson, 2008a)), и, наоборот, страны, сделавшие значительные шаги в направлении инклюзивных политических институтов (как, например, Англия в эпоху Славной революции), оставались недемократическими в течение многих лет. Более надежным признаком инклюзивных политических институтов являются реальные ограничения на власть элит в виде сдержек и противовесов. При наличии таких ограничений права собственности лучше защищены от экспроприации правящим классом, что способствует экономическому росту (Acemoglu, Johnson, 2004)¹².

Что же касается демократии как таковой, то она, несомненно, коррелирована с экономическим благополучием — все экономически развитые страны — члены OECD являются демократиями, тогда как в бедных странах преобладают недемократические режимы. В то же время вклад демократии в рост априори неочевиден — с одной стороны, демократия способствует созданию общественных благ, подчиняя решения элит обществу, с другой — чревата экономическим популизмом, а также может воспрепятствовать принятию экономически необходимых, но непопулярных в обществе решений (см. также гл. IV, раздел 1)¹³.

Эмпирическая оценка силы указанных эффектов осложняется проблемами измерения демократии (существующие индексы обычно отражают наличие свободных, честных и конкурентных выборов, сдержек и противовесов, а также учета интересов различных групп и слоев общества при принятии государственных решений — см. Przeworsky et al., 2000; Acemoglu et al., 2015). Статистический анализ связи демократии и роста может

-
12. В цитируемой работе эмпирически подтверждена приоритетность для экономического роста прав собственности по сравнению с прочими экономическими институтами, включая исполнение контрактов. Авторы приходят к выводу о том, что несовершенство контрактных институтов может быть скомпенсировано самими экономическими агентами, в том числе с использованием неформальных механизмов, тогда как надежной защите прав собственности (обеспечиваемой инклюзивными политическими институтами) нельзя найти адекватную частную альтернативу.
  13. Согласно (Полтерович, Попов, 2007), переход к демократии способствует развитию экономики, если он происходит на фоне верховенства закона (в частности, эффективной борьбы с коррупцией); в противном случае демократизация может отрицательно повлиять на рост.

оказаться искаженным пропущенными переменными (см. следующий раздел статьи), а также особенностями экономической динамики накануне и после перехода к демократии. Неудивительно, что в эмпирической литературе можно встретить различные выводы о связи демократии и роста, причем чаще других встречается утверждение об отсутствии подобной ясно выраженной зависимости (Gerring et al., 2005). Так, согласно Р. Барро (Barro, 1996) основными драйверами роста являются рыночные свободы, верховенство закона и человеческий капитал; при контроле на указанные факторы вклад собственно демократии в экономический рост оказывается слабо отрицательным. Более поздние исследования, напр., (Persson, Tabellini, 2006; Acemoglu et al., 2015), где используются усовершенствованные методы эмпирической оценки, указывают на статистически значимое позитивное влияние демократии на рост. Такой вывод согласуется с важностью для экономического развития инклюзивных политических институтов.

Трансформация институтов

1. Институциональный дрейф

Экономические и политические институты изменяются со временем, но большей частью эти изменения не затрагивают природу режима; такая эволюция названа в *Why Nations Fail* институциональным дрейфом. Д. Норт, Б. Вайнгаст и Дж. Валлис (North, Weingast, Wallis, 2009) согласны с тем, что общественные порядки устойчивы, хотя и не статичны, и что перемены в обществе, сколь бы радикальными они порой не казались, далеко не всегда являются признаками развития и прогресса. Подобные взгляды представляют собой очевидный отход от оптимистических воззрений эволюционной теории институтов или гипотезы модернизации и находят солидную эмпирическую поддержку.

Косвенным свидетельством устойчивости институциональных режимов является значимость для современного экономического развития событий отдаленной истории (тезис «history matters»). Стабильные институты могут оказаться передаточным звеном между историей и сегодняшним днем¹⁴. Согласно этой гипотезе, важные исторические события оказывают сильное долгосрочное воздействие на социальные и экономические порядки; преобразованные этими событиями институты могут длительное время оставаться неизменными в своей основе, и следы истории в таком случае обнаруживаются в современных институтах. Это позволяет использовать факты и события истории как инструментальные переменные для сегодняшних институтов. Эмпирически подтвержденная валидность подобных инструментов становится серьезным аргументом в пользу концепции институционального дрейфа.

Примерами применения таких «исторических инструментов» в институциональных исследованиях являются уже упомяну-

---

14. Роль передаточных звеньев могут также играть нормы, ценности, знания и технологии (Nunn, 2009), которые, впрочем, в свою очередь, тесно связаны с институтами.

тые работы Д. Асемоглу, С. Джонсона и Дж. Робинсона (Acemoglu, Johnson, Robinson, 2001, 2002), где вариации современных институтов связываются со смертностью европейских поселенцев и уровнем урбанизации бывших колоний, а также использование в качестве предиктора институтов типа правовой системы (legal origin), трансплантированной из Европы в бывшую колонию (La Porta, Lopez-de-Silanes, Shleifer, 2008). Сюда же следует отнести статью (Nunn, 2008), где тестируется идея С. Энгермана и К. Соколоффа (2000) о негативном влиянии на современные институты возделывания тропических культур, требовавших массового использования рабского труда, а также (Acemoglu, Johnson, Robinson, 2005a), где исторические корни современных институтов обнаруживаются в развитии трансатлантической торговли.

Институциональный дрейф объясняется в *Why Nations Fail* механизмами порочного (в случае экстрактивных институтов) либо добродетельного (в случае инклюзивных институтов) круга. И в том, и в другом случае распределения экономической и политической власти находятся в гармонии друг с другом и на протяжении длительных периодов истории воспроизводят неизменные в своей основе институциональные порядки.

2. Есть ли выход из порочного круга?

Упомянутая выше гипотеза модернизации позволяет надеяться на совершенствование институтов в результате экономического роста, возможного и при экстрактивных институтах. Если экономическое благополучие укрепляет демократию, то рост экономики может способствовать возникновению более инклюзивных политических, а вслед за ними и экономических, институтов. Согласно Р. Барро (Barro, 1999), повышение жизненного уровня действительно предвещает переход к демократии, однако более поздние исследования ставят этот вывод под сомнение. По мнению А. Пржеворски с соавторами (Przeworski et al., 2000), экономическое развитие как таковое не влечет за собой демократию, хотя шансы демократии на выживание выше в более экономически благополучных обществах. Д. Асемоглу с соавторами (Acemoglu, Johnson, Robinson, Yared, 2008; 2009) показывают, что

в статистической связи роста и демократии присутствует ложная корреляция, и что эта связь исчезает при включении в панельные регрессии фиксированных эффектов отдельных стран. Этот вывод справедлив как в отношении связи дохода и качества демократии, так и применительно к влиянию экономического развития на переход к демократии или ее возможное сворачивание. Таким образом, для отдельно взятых стран (“within-country variations”) нет эмпирических свидетельств причинного воздействия роста на демократию.

Согласно С. Липсету, экономическое развитие совершенствует институты, поскольку способствует взаимопониманию и достижению согласия в обществе относительно взаимовыгодного общественного устройства (важная роль в таком механизме отводится образованию). Может ли общество, осознавшее свой коллективный интерес в более эффективных институтах, достичь договоренности о замене экстрактивных институтов инклюзивными? Такая реформа обеспечила бы совокупный экономический выигрыш (ввиду того, что экстрактивные институты представляют собой «игру с отрицательной суммой»). Этот выигрыш позволяет скомпенсировать потери элит, возникающие при отказе от экстрактивных институтов, и добиться, таким образом, согласия элит на прогрессивные институциональные преобразования¹⁵. Подобный консенсус элит и масс воплощал бы известную теорему Коуза (Coase, 1960), согласно которой рациональные агенты способны договориться о совместных действиях, если эта договоренность сулит суммарный выигрыш и определяет порядок его распределения между сторонами.

К сожалению, в случае институциональных реформ эта умозрительная возможность оказывается иллюзорной. Даже если представить себе, что элиты и массы способны прийти к соглашению по Коузу, элиты с недоверием воспримут обещания компенсаций и с полным основанием будут полагать, что после утраты политической и экономической монополии они, в свою очередь, подвергнутся экспроприации. Ввиду отсутствия надежных механизмов

---

15. Фактически речь идет о критерии Калдора-Хикса, когда имеется теоретическая возможность скомпенсировать проигравших в результате реформы с тем, чтобы получить в итоге улучшение по Парето.

исполнения договоренности элит и масс «политическая» теорема Коуза оказывается неприменимой (Acemoglu, 2003), и добровольное согласие между привилегированным классом и остальной частью общества выглядит поэтому маловероятным.

Сомнения в отношении политической теоремы Коуза указывают на то, что перспективы институциональных преобразований зависят не только от возможности получить в результате реформ совокупный экономический выигрыш, но и от того, как ожидаемый выигрыш распределяется между различными группами в обществе. Иными словами, при оценке перспектив институциональных реформ следует учитывать не только их совокупную эффективность, но и распределительные последствия (Acemoglu, Johnson, Robinson, 2005b).

Пренебрежение политической экономией реформ объясняет неудачи многочисленных попыток целенаправленно усовершенствовать политические и экономические институты — иными словами, разорвать порочный круг экстрактивных институтов посредством «институциональной инженерии» (Przeworski, 2004). Так, номинальная демократизация политических институтов далеко не всегда улучшает экономическое положение масс и нередко позволяет элитам сохранить свои привилегии. Согласно (Acemoglu, Robinson, 2008), демократизация ограничивает власть элит де-юре, но последние могут компенсировать этот урон инвестициями в политическую власть де-факто при помощи манипуляций демократическими институтами (лоббирование, коррупция, использование СМИ в политических целях, подчинение политических партий и пр.). В результате элиты сохраняют контроль над экономическими институтами, и положение дел в экономике и обществе остается инвариантным к политическим преобразованиям. В устойчивости экстрактивных институтов авторы *Why Nations Fail* видят проявление «железного закона олигархии» (несколько вольно интерпретируя сформулированное социологом Р. Михельсом понятие) — политические реформы сами по себе неспособны кардинально изменить олигархическую природу режима.

Не лучше обстоит дело с попытками решить проблемы развития при помощи поверхностных — не продиктованных и не востребованных внутренней логикой развития страны — экономи-

ческих реформ, за которыми часто стоят международные организации и доноры. При этом неявно предполагается, что власти страны, испытывающей проблемы в развитии, не знают правильных решений, которые должны быть подсказаны экспертами-консультантами. На самом деле, по мнению Д. Асемоглу и Дж. Робинсона, куда важнее вопрос не о том, *как* реформировать экономику, сколько о том, *почему* необходимые и достаточно очевидные реформы до сих пор не были проведены. Сказанное относится как к попыткам добиться системных улучшений (макроэкономической стабильности, либерализации, приватизации и пр.), так и к «секторальным» реформам государственной службы и финансов, социальных услуг, инфраструктуры и пр.¹⁶ Невозможно достичь процветания сугубо техническими решениями (“you can’t engineer prosperity”), не меняя институциональной природы режима, заключают авторы *Why Nations Fail*.

Сказанное проливает свет на причины частых неудач экономических реформ, проводившихся в 80–90-е гг. прошлого века в развивающихся странах и государствах с переходной экономикой. Следование предписаниям популярного в те годы «Вашингтонского консенсуса» (Williamson, 1996) не обеспечило устойчивого экономического роста в странах Латинской Америки, преодоления бедности и отсталости в Африке, и не позволило утвердить успешные рыночные демократии в большинстве стран с переходной экономикой. Анализируя причины неудач, Д. Родрик (Rodrik, 2006) приходит к выводу о бесперспективности реформ на фоне неблагоприятного в целом институционального климата. «Институты по своей природе глубоко укоренены в обществе. Если рост действительно требует крупных институциональных перемен в области верховенства закона, прав собственности, государственного управления и т.п., то как не быть пессимистами в отношении перспектив роста в бедных странах? ... Такие перемены обычно

---

16. Как и в случае политических реформ, элиты имеют возможность минимизировать невыгодные для себя последствия экономических преобразований, сохраняя экстрактивные экономические институты де-факто, несмотря на изменения де-юре — подробнее см. (Glaeser et al., 2004; Polishchuk, 2012). Реальный эффект экономических реформ особенно незначителен при низком уровне подотчетности обществу правящего класса (Acemoglu, Johnson, Querubin, Robinson, 2008), т.е. на фоне экстрактивных политических институтов. Это вновь подтверждает общий вывод об устойчивости кластеров экстрактивных институтов в экономике и политике.

происходят очень редко — возможно, после войн, революций и иных крупных политических потрясений... на развилках истории» (р. 979).

3. Критические развилки

На критических развилках институциональный режим выводится из равновесия политическими и экономическими катаклизмами, радикально меняющими статус-кво. Институциональный дрейф в таких случаях прерывается, и дальнейшее развитие становится многовариантным, причем выбор той или иной из имеющихся возможностей может зависеть от сравнительно малозначительных в иных условиях факторов и обстоятельств.

Критические развилки иллюстрируются в *Why Nations Fail* расходящимися институциональными траекториями Испании и Англии вследствие различного использования этими странами возможностей международной торговли, эпидемией чумы в XIV в., способствовавшей росту экономических свобод на западе Европы и закреплению крестьян на востоке континента, колониальными завоеваниями, промышленной революцией, политической нестабильностью после ухода диктаторов, и пр.

Критические развилки могут возникнуть в ситуациях, когда политическая власть элит по тем или иным причинам дает трещину, и в таких случаях элиты становятся сговорчивее и должны так или иначе пойти навстречу массам. Наименее затратная для элит возможность разрядить ситуацию — откупиться от общества разовой уступкой с тем, чтобы затем восстановить статус-кво; экстрактивный институциональный режим при этом остается в неприкосновенности. Массы, однако, могут не принять такого варианта и требовать долгосрочных решений. Обещания элит и в дальнейшем более щедро делиться с массами будут восприняты как ненадежные — скорее всего элиты откажутся от своих обещаний, когда политическая ситуация вновь стабилизируется. В таком случае угроза потерять все и отказ масс довольствоваться малым может принудить элиты к согласию на политические реформы (демократизацию и разделение власти), результатом которых становятся инклюзивные политические, а затем и экономические, институты.

Выстроенная на данной логике теория демократизации подробно изложена в монографии (Acemoglu, Robinson, 2006)¹⁷.

Критические развилки возникают непредсказуемо, причем речь идет не только о явлениях природы, географических открытиях и прорывах в технологиях, но и о внезапной нестабильности авторитарных режимов, где отсутствуют надежные механизмы раннего предупреждения о нарастающих проблемах и рисках (Kuran, 1997). В силу указанных причин критические развилки правомерно рассматривать как источник экзогенных вариаций в глобальном «естественном эксперименте», а значит, гипотезу критических развилок можно проверить эмпирически. Такая проверка предпринята в (Acemoglu, Johnson, Robinson, Yared, 2008; 2009), где показано, что страновые фиксированные эффекты, ответственные за наблюдаемую связь экономического развития и демократии, обусловлены историческими факторами, связанными с возникновением критических развилок. Таким образом, корреляция между демократией и развитием объясняется возникновением на критических развилках различных кластеров экономических и политических институтов, причем для инклюзивных кластеров характерны демократия и рост, а для экстрактивных — авторитарные режимы и застой в экономике.

Условием возникновения на критической развилке инклюзивных институтов является создание широких (плюралистических) коалиций в поддержку таких режимов. В противном случае институциональный выбор останется в руках групп интересов, которые распорядятся им к собственной выгоде и обеспечат себе политические и экономические привилегии в виде экстрактивных институтов. При таком сценарии на критической развилке происходит лишь ротация элит (подтверждая «железный закон олигархии»), не меняющая природу институтов.

---

17. Русский перевод: Д. Асемоглу, Дж. Робинсон. Экономические истоки диктатуры и демократии. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2015. Другие авторы обращают внимание на возможность возникновения более инклюзивных институтов («порядков открытого доступа») в результате внутриэлитных договоренностей — см. (North, Wallis, Weingast, 2009; русский перевод: Норт Д., Уоллис Д., Вейнгаст Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М.: Изд-во Института Гайдара, 2011). В частности, такие договоренности страхуют политические риски поражения в конкуренции между группами элит (Lizzeri, Persico, 2004; Polishchuk, Syunyaev, 2015).

В *Why Nations Fail* приводятся примеры «разворотов истории», когда на критических развилках возникают инклюзивные институты, в том числе Великая Французская революция и Славная революция в Англии, реставрация Мейджи в Японии, демократизация Испании после Франко, Ботсвана в XX в., и особенно после обретения независимости, Бразилия конца минувшего века, и пр. Во всех случаях залогом успеха оказалось пробуждение, укрепление и активное участие в политике различных общественных групп, сил и движений, которые уравнивают влияние элит и сдвигают институты в направлении, отвечающем интересам общества в целом.

Выводы для России

России в *Why Nations Fail* отводится сравнительно скромное место — главным образом как одному из кейсов экстрактивных институтов в дореволюционную и советскую эпоху. Особое внимание уделяется советскому периоду, в том числе феномену быстрого роста советской экономики в результате сверхцентрализации, концентрации ресурсов и принудительного труда, характерного для экстрактивных институтов. Такой рост, однако, оказался ограниченным во времени, и когда ресурсы экстрактивного развития были исчерпаны, попытки поправить дело различного рода техническими решениями и частными реформами провалились, и советский режим прекратил свое существование.

Постсоветский период российской истории в книге практически не рассматривается. Между тем концепция инклюзивных и экстрактивных институтов и теория возникновения и эволюции институциональных режимов, представленная в книге, оказывается чрезвычайно полезной для понимания развития России с начала 90-х гг. и по настоящее время.

1. Реформы и демократия

В конце 80 — начале 90-х гг. в научной литературе, экспертном сообществе и политических кругах сложилось мнение о том, что экономические реформы, направленные на финансовую стабилизацию, либерализацию и приватизацию экономики, едва ли могут получить необходимую общественную поддержку, и поэтому полноценно функционирующая демократия не является наилучшей политической средой для реформ (см., напр., обзор Rodrik, 1996). Парадоксальный отказ общества поддержать необходимые для развития реформы объяснялся различными причинами, вклю-

чая опасения глубокого экономического спада во время переходного периода, социально-экономическую неопределенность и отторжение риска, недоверие к власти, особенности психологии и пр. (Alesina, Drazen, 1991).

Ввиду отсутствия мандата общества на реформы считалось необходимым оградить реформаторов от общественного влияния и контроля, позволив им, таким образом, провести необходимые преобразования и поставить общество перед свершившимся фактом. Так, по мнению Дж. Сакса, «если реформаторы хотят ликвидировать контроль над ценами, они не должны стоять и говорить об этом — они должны это сделать, поскольку каждый будет против освобождения цен... пока это не стало свершившимся фактом» (Williamson, 1996, p. 509–510). Стремление достичь общественного согласия по поводу реформ было бы напрасной тратой времени, поскольку общество плохо разбирается в экономике и экономической политике (op. cit., p. 505). Аналогичной точки зрения придерживался и Е. Гайдар¹⁸.

Несмотря на популярность авторитарного сценария преобразований, обычно речь не шла о ликвидации демократии, а скорее о «приостановке» ее действия за счет усиления полномочий исполнительной ветви власти и ограничения общественного влияния и контроля на время реформ. Расчет делался на то, чтобы получить в конечном итоге демократическую поддержку реформ задним числом — *ex post*, когда появятся зримые свидетельства пользы для общества нового институционального режима (Roland, 2000). При такой стратегии общественный консенсус относительно предстоящих реформ становится необязательным, а попытки его достичь станут бесполезной тратой времени с риском упустить политическое «окно возможностей», когда оппоненты реформ разобщены, деморализованы или могут быть различными посулами привлечены на сторону реформаторов. Политически пассивное общество оказывается при этом не субъектом, а объектом институциональных

---

18. «...Невозможность сказать всю правду людям о положении страны, о том, что делаешь, — это, к сожалению, приходит вместе с реальной властью (Е. Гайдар, 1996, с. 313) ... Один дурак может задать столько вопросов, что сто мудрецов не ответят» (цит. соч., с. 303). Д. Родрик обращает внимание на распространенность среди экономистов неверия в здравый смысл «простого народа» и эффективность политических институтов, особенно в молодых демократиях (Rodrik, 1996).

реформ, а демократия рассматривается как обременение, а не ресурс преобразований¹⁹.

Разумеется, есть некоторая непоследовательность в том, что инклюзивные (букв. «включающие, открытые») институты создаются без участия и согласия масс, но это само по себе не исключает возможности успешных «реформ сверху», проводимых просвещенными, ответственными и прогрессивно мыслящими политиками-технократами. Другое дело, что свидетельства, представленные в *Why Nations Fail*, заставляют усомниться в продуктивности такого подхода, поскольку создание реально действующих инклюзивных институтов требует «плюрализма», т.е. участия и поддержки широких общественных коалиций. Последующее развитие событий в России подтвердило данную закономерность.

2. Возникновение экстрактивных институтов

В начале 90-х гг. российская демократия функционировала с большими перебоями. Хронический конфликт между ветвями власти периодически обострялся и достиг трагической кульминации в октябре 1993 г., повлекшей кровопролитие и применение военной силы. В возникшей после кризиса суперпрезидентской системе сдержки и противовесы оказались значительно ослаблены. Одновременно началось массовое использование СМИ в политических целях, и возникла новая профессия «политтехнолога» — специалиста по манипуляции политическими процедурами и общественным мнением для достижения «заказанных» результатов.

В результате демократия оказалась дискредитированной в общественном мнении, и в российском обществе на фоне глубокого экономического кризиса распространились «ценности выживания» (Inglehart, Welzel, 2005), когда частные проблемы индивида и его семьи вытесняют в сознании проблемы общества. Политическая апатия и цинизм привели к массовому уходу (“exit”) из общественной жизни и отказу от участия в демократических процессах (“voice”; см. Hirschman, 1970). Фактически общество

---

19. «Парадоксально, что те, кто верят в информационную эффективность децентрализованных решений, больше всего ее и опасаются [и считают народ] главной преградой реформам» (Przeworski, 1991, p. 185).

смирилось с «аутсорсингом» институциональных реформ группам интересов, которые быстро заполнили вакуум представительства (Полищук, 2013).

На протяжении ряда лет в российской экономике, а затем и политике, доминировали «олигархи» – немногочисленная группа лиц, под контролем которой находилось производство более половины национального дохода страны, в том числе в наиболее прибыльных сырьевых отраслях. Возникновение олигархии объясняется уже упоминавшимися преимуществами коллективных действий в малых группах (Olson, 1965), а также высокой концентрацией ренты в переходных экономиках (Hellman, 1998). Олигархи стали экономической элитой посткоммунистической России, и их экономическая власть, не уравновешенная политически пассивными и разобщенными массами, трансформировалась, в соответствии с логикой *Why Nations Fail*, в политическое влияние, вследствие чего олигархия получила фактический карт-бланш в отношении российских институтов. Опять-таки подтверждая логику книги, олигархи распорядились этой властью для установления в стране экстрактивных институтов.

Институциональные риски олигархической структуры собственности и политического влияния длительное время недооценивались в научной литературе, где преобладал эволюционный взгляд на институты. Считалось, что демонтаж советского режима «расчистит площадку» для рыночных сил и рационального выбора не только в самой экономике, но и в институциональном строительстве, где более эффективные режимы возникнут спонтанно под действием «невидимой руки». В этом смысле контроль олигархов над большей частью советского экономического наследия хотя и выглядел сомнительным в глазах общественного мнения и порождал неслыханное прежде экономическое неравенство, но не давал повода для опасений относительно качества институтов, в том числе ключевого института прав собственности. Можно было надеяться, что олигархи, сами будучи крупными собственниками, жизненно заинтересованы в надежной защите прав собственности и распорядятся своим влиянием для скорейшего утверждения и упрочения данного института (Boysko, Shleifer, Vishny, 1997). Защита прав собственности в таком случае была бы обеспечена в ответ на спрос,

предъявляемый частным сектором, как это уже случилось в мировой истории (см., напр., (Acemoglu, 2003)).

Данная логика, однако, фокусируется на экономической эффективности прав собственности (и других инклюзивных институтов), но игнорирует при этом их распределительные последствия, которыми, по мнению Д. Асемоглу и Дж. Робинсона, главным образом и объясняется разнообразие институциональных режимов. Предположение о заинтересованности олигархов в *универсальной* защите прав собственности противоречит общему тезису о том, что элиты предпочитают экстрактивные институты (см. гл. II, раздел 2), и опровергается анализом спроса на права собственности в зависимости от концентрации активов в экономике (Polishchuk, Savvateev, 2004). Эмпирическое подтверждение нежелания олигархов добиться надежной защиты прав собственности можно обнаружить, следуя логике «выявленных предпочтений», в многократно подтвержденной уязвимости прав собственности в российском частном секторе в течение всего периода доминирования олигархов в экономике и политике страны (Polishchuk, 2013).

Сопrotивление экономических элит инклюзивным институтам, создание которых было целью реформ, стало одним из «сюрпризов» переходного периода. Основное противодействие реформам ожидалось в виде «популизма» масс, чем главным образом и мотивировалось «замораживание» демократии на время переходного периода. На самом деле, по наблюдению Дж. Хеллмана (Hellman, 1998), в оппозиции правам собственности, свободной конкуренции и верховенству закона находятся не экономические жертвы, а бенефициары реформ, которые извлекают обширную ренту из частично либерализованной и непрозрачно приватизированной экономики и оберегают институциональные источники этой ренты²⁰. Такой исход возникает на политическом фоне подавленной и/или номинальной демократии, как это было в России. Наоборот, в странах с более полноценной демократией, где, казалось бы, реформаторы связаны в своих действиях подотчетностью перед обществом, рыночные реформы оказываются успешнее, и

---

20. Характерно признание А. Шляйфера о том, что, вопреки его более ранним представлениям, «реформаторам следует опасаться не популизма, а «захвата» политики новыми элитами» (<http://voxeu.org/article/seven-things-i-learned-about-transition-communism>).

такие страны добиваются значительных преимуществ в развитии (Hellman, 1998). Поддержка в обществе и политическая конкуренция в процессе реформ облегчают завершение преобразований, консолидирует демократические институты и при этом повышает качество принимаемых решений (Bresser Pereira, Maravali, Przheworski, 1993). Данный вывод полностью согласуется с тезисом о необходимости «плюрализма» для утверждения инклюзивных институтов в политике и экономике.

3. За критической развилкой

Демонтаж коммунистических режимов в бывшем СССР и других странах «социалистического лагеря» обладал всеми признаками «критической развилки», за которой происходит расхождение институциональных и социально-экономических траекторий. Фактором «сортировки» оказались инклюзивность реформ и демократическая подотчетность власти во время проведения преобразований. Как это нередко бывает на «критических развилках», кратковременные и, казалось бы, сугубо технические по своей природе различия в стратегии реформ имели далеко идущие последствия и предопределили тип институционального режима на последующие десятилетия.

В России дефицит демократии в 90-е гг. привел к появлению олигархии и возникновению экономических и политических институтов экстрактивного типа. В начале 2000-х гг. влияние «олигархов» значительно ослабло, они были «равноудалены» от принятия государственных решений, а их активы в значительной части отошли к госкорпорациям, занявшим доминирующее положение в российской экономике. Эти перемены, однако, не привели к появлению в России инклюзивных институтов, о чем свидетельствуют по-прежнему низкие рейтинги российских институтов по сравнению с другими странами мира (Polishchuk, 2013).

Современная Россия, таким образом, дает еще одно подтверждение устойчивости экстрактивных институтов, однажды возникших на критической развилке. Тип институтов не меняется даже на фоне радикальных политических преобразований — в случае России речь идет о создании в начале 2000-х гг. «вертикали

власти». В течение первого постсоветского десятилетия российское государство оставалось ослабленным и уязвимым для манипуляций различными группами интересов. В обществе возник отчетливый спрос на «наведение порядка» и патерналистское государство, которое заменило бы дискредитированные в общественном сознании рынок и плюралистическую демократию. «Вертикаль власти» появилась в ответ на такой спрос, однако правящие элиты получили значительную свободу рук в распоряжении ресурсами и принятии решений, при условии выполнения достаточно скромных социальных обязательств перед населением. Контроль элит над экономикой и политикой без реально действующих сдержек и противовесов является видовым признаком экстрактивных институтов, которые, таким образом, уцелели при строительстве «вертикали власти» (Полищук, 2013) и сохранились до настоящего времени, несмотря на изменения в составе элит. Такие институты оказались неспособными поддержать экономический рост в условиях менее благоприятной конъюнктуры на мировых рынках, вследствие чего российская экономика в последние годы находится в состоянии стагнации и спада.

4. Роль культуры

Подтверждая общие закономерности институциональной динамики, описанные Д. Асемоглу и Дж. Робинсоном, Россия на протяжении последней четверти века сохраняла порочный круг воспроизводства экстрактивных институтов в экономике и политической сфере. Вместе с тем российский опыт указывает на важный элемент данного механизма, который не получил должного внимания в *Why Nations Fail*. Речь идет о культуре, понимаемой как совокупность преобладающих в обществе норм, ценностей и взглядов, которая находится в тесной связи с экономическими и политическими институтами.

На рубеже 80–90-х гг. прошлого века идеи рынка и демократии пользовались в российском обществе значительной популярностью и поддержкой, о чем свидетельствуют, в частности, проводившиеся в то время социологические опросы (Shiller, Boycko, Korobov, 1991; Gibson, Duch, Tedin, 1992). Несколькими годами

позже общественные настроения радикально изменились, отражая опыт жизни в пореформенной России, в том числе глубокий спад в экономике, коллапс системы государственных услуг и обязательств, резкий рост неравенства и неспособность номинально демократической системы власти обеспечить представительство общественных нужд и интересов (Gaber, Polishchuk, Stukal, 2016.). Как уже отмечалось, реалии первых лет реформ привели к распространению в российском обществе ценностей выживания, вытеснивших ценности автономии и гражданской культуры (осознания индивидуальной личной ответственности за положение дел в обществе).

Исследования последних лет свидетельствуют о том, что культура отражает не только сформировавшиеся в течение длительных периодов истории нормы и ценности, но и непосредственный опыт ныне живущих поколений (см., напр., (Mishler, Rose, 2001; Pop-Eleches, Tucker, 2016)). Культура становится, таким образом, важной частью механизма «критической развилки» и возникающего вслед за ней добродетельного либо порочного круга соответственно инклюзивных или экстрактивных институтов. В первом случае в обществе укрепляется доверие к институтам и накапливается опыт их успешного использования, тогда как во втором в массах преобладают политическая апатия и уход из общественной жизни, что облегчает элитам сохранение контроля над экономикой и политикой. Одновременно отсутствие инклюзивных экономических институтов не позволяет массам получить адекватную отдачу на частные активы, в первую очередь человеческий капитал, что порождает неверие в собственные силы и возможности и укрепляет патерналистские настроения и зависимость от государства. Все перечисленное создает культурный фундамент для экстрактивных институтов, которые не обязательно навязываются обществу элитами с использованием обширных властных ресурсов правящего класса (как это явно или неявно предполагается в *Why Nations Fail*), но во многом отвечают деформированному этими же институтами общественному спросу.

Признаки наличия «культурного приводного ремня» в механизме экстрактивных институтов в России обнаруживаются в данных опросов проекта World Values Survey²¹, проводившихся в

---

21. www.worldvaluessurvey.org.

России раз в пять лет начиная с 1990 г. Результаты опросов указывают на резкое падение участия в общественной жизни и интереса к политике между 1990 и 1995 г., рост поддержки идеи сильного лидера, не ограниченного сдержками и противовесами, и отказ от обязанности отвечать за собственное благосостояние. В дальнейшем указанные и аналогичные им индикаторы либо сохраняются на уровнях, близких к достигнутым в 1995 г., либо продолжают ухудшаться, хотя уже не столь быстро, в целом воспроизводя динамику качества экономических и политических институтов в России (Gaber, Polishchuk, Stukal, 2016). При этом десятилетие экономического роста с 1999 по 2008 г., позволившее компенсировать потери кризиса 90-х гг. и превзойти дореформенный уровень ВВП, не привело к улучшению институтов, как этого можно было ожидать в соответствии с гипотезой развития (см. также Shleifer, Treisman, 2005), и не смогло обратить негативную динамику норм и ценностей, на что позволяла надеяться гипотеза модернизации (Inglehart, Baker, 2000). Возникшие в России после «критической развилки» экстрактивные институты и сопряженные с ними нормы и ценности оказались устойчивыми к изменениям экономической конъюнктуры.

Заключительные замечания

Современные взгляды на институты и развитие всеяют одновременно оптимизм и пессимизм. Основанием для оптимизма (см. также (Арсланов 2016а)) является вывод о том, что ключом к развитию являются инклюзивные институты, которые в принципе могут быть введены в любой стране, вне зависимости от текущего состояния экономики, географии и особенностей культуры²². Согласно знаменитому определению Д. Норта, институты рукотворны²³, и если понятно, какие институты необходимы для развития, то все, что остается сделать, — это создать такие институты. Опыт успешных стран и экономик свидетельствует о том, что бедность и отсталость можно преодолеть, обеспечив благоприятные условия для использования и приумножения производственных ресурсов, причем этот рецепт применим универсально, при любых обстоятельствах места и времени.

Ясность диагноза и кажущаяся простота «лечения» ставят новый, более сложный вопрос (Acemoglu, Johnson, Robinson, 2005а), если бедность порождена плохими институтами, то что мешает эти институты улучшить. Ответ дает политическая экономия — предпочтения элит в отношении институтов не совпадают с общественными нуждами и часто противоречат им. Если институты находятся под контролем элит, то прогрессивные реформы маловероятны, а отсутствие реформ сохраняет монополию элит. Укорененность и устойчивость неэффективных институтов и их воспроизводство в порочном круге эксплуатации и неравенства являются поводом для пессимизма.

---

22. Последний вывод, впрочем, вызывает возражения — культура оказывает значительное влияние на функционирование и эффективность институтов и находится с ними в двусторонней зависимости; подробнее см. (Alesina, Giuliano, 2015).

23. “Institutions are the humanly devised constraints that structure political, economic, and social interaction.” (North, 1991, p. 97).

Российские реформы начала 90-х гг. были проникнуты «инженерным» подходом к институтам и расчетом на то, что стандартный набор преобразований – либерализация, приватизация и финансовая стабилизация – приведет к возникновению в России эффективной рыночной экономики. В экономической литературе подробно анализируются недостатки и риски такого подхода (см. напр., (Полтерович, 2007)), в том числе дезорганизация экономики, чреватая экономическим спадом, отторжение, атрофия или нецелелевое использование новых институтов, интенсификация борьбы за ренту в переходной экономике, несправедливое распределение в обществе издержек и выгоды реформ, и пр.

Исследования последнего времени в области политической экономии институтов привлекают внимание к еще одному серьезному пороку российской стратегии реформ – отказу от создания широкой общественной коалиции в пользу нового экономического порядка. Политэкономия институциональных преобразований воспринималась реформаторами утилитарно, как «наука и искусство» осуществления не поддерживаемых обществом реформ, а риски подчинения создаваемых институтов новыми элитами не принимались во внимание. В результате Россия оказалась в ловушке экстрактивных институтов, наглядно подтверждающая закономерности, проиллюстрированные Д. Асемоглу и Дж. Робинсоном в *Why Nations Fail*.

Литература

Арсланов В. (2016 а). Инклюзивные институты – основной фактор устойчивого роста? Статья 1 // *Общественные науки и современность*, № 4. С. 36–47.

Арсланов В. (2016 б). Инклюзивные институты – основной фактор устойчивого роста? Статья 2 // *Общественные науки и современность*, № 4. С. 49–62.

Гайдар Е. (1996). Дни поражений и побед. М., Вагриус, 1996.

Заостровцев А. (2014). История по Асемоглу–Робинсону: институты, развитие и пределы авторитарного роста // *Общественные науки и современность*, №3. С. 32–43.

Натхов Т., Полищук Л. (2012). Инженеры или юристы? Институты и спрос на высшее образование // *Вопросы экономики*, № 10. С. 30–51.

Полищук Л. (2013). Аутсорсинг институтов // *Вопросы экономики*, № 9. С. 40–65.

Полтерович В. (2007). Элементы теории реформ. М.: Экономика.

Полтерович В., Попов В. (2007). Демократизация и экономический рост // *Общественные науки и современность*, №2, С. 13–27.

Acemoglu D. (1995). Reward Structures and the Allocation of Talent // *European Economic Review*, Vol. 39(1). P. 17–33.

Acemoglu D. (2003). Why Not a Political Coase Theorem? Social Conflict, Commitment and Politics // *Journal of Comparative Economics*, Vol. 31 (4). P. 620–652.

Acemoglu D. (2006). A Simple Model of Inefficient Institutions // *Scandinavian Journal of Economics*, Vol. 108(4). P. 515–546.

Acemoglu D., Johnson S., Robinson J. (2001). The Colonial Origins of Comparative Development. An Empirical Investigation // *American Economic Review*, Vol. 91(5). P. 1369–1401.

Acemoglu D., Johnson S., Robinson J. (2002). Reversal of Fortune: Geography and Institution in the Making of the Modern World Income Distribution // *Quarterly Journal of Economics*, 2002, Vol. 117(4). P. 1231–1294.

Acemoglu D., Johnson S. (2004). Unbundling Institutions // *Journal of Political Economy*, Vol. 113(5). P. 949–995.

Acemoglu D., Johnson S., Robinson J. (2005a). The “Rise of Europe”: Atlantic Trade, Institutional Change, and Economic Growth // *American Economic Review*, 95(2). P. 546–579.

Acemoglu D., Johnson S., Robinson J. (2005b). Institutions as the Fundamental Cause of Long-Run Growth // *Handbook of Economic Growth* / Ph. Aghion, S. Durlauf (eds.) P. 386–472.

Acemoglu D., Robinson J. (2006). *Economic Origins of Dictatorship and Democracy*. Cambridge MA: Cambridge University Press.

Acemoglu D., Robinson J. (2008). Persistence of Power, Elites, and Institutions // *American Economic Review*, Vol. 98(1). P. 267–293.

Acemoglu, D., Johnson S., Robinson J., Yared P. (2008). Income and Democracy // *American Economic Review*, 98(3). P. 803–842.

Acemoglu D., Johnson S., Querubin P., and Robinson J. (2008). When Does Policy Reform Work – The Case of Central Bank Independence // *Brookings Papers on Economic Activity* 1. P. 351–418.

Acemoglu, D., Johnson, S., Robinson, J., Yared P. (2009). Reevaluating the Modernization Hypothesis // *Journal of Monetary Economics*, Vol. 56 (8). P. 1043–1058.

Acemoglu, D., Naidu, S., Restrepo, P., Robinson, J. (2015) *Democracy Does Cause Growth*. Mimeo.

Aghion P., Howitt, P. (1997) *Endogenous Growth Theory*. Cambridge MA: MIT Press.

Akerlof G., Kranton R. (2000). Economics and Identity // *Quarterly Journal of Economics*, Vol. 115 (3). P. 715–753.

Albouy D. (2012) The Colonial Origins of Comparative Development: An Empirical Investigation: Comment // *American Economic Review*, Vol. 102 (6). P. 3059–3076.

Alesina, A., Drazen, A. (1991). Why Are Stabilizations Delayed? // *American Economic Review*, Vol. 81(5). P. 1170–1188.

Alesina A., Giuliano P. (2015). Culture and Institutions // *Journal of Economic Literature*, Vol. 53 (4). P. 898–944.

Ashraf Q., Galor O. (2013). The “Out of Africa” Hypothesis, Human genetic Diversity, and Comparative Economic Development // *American Economic Review*, Vol. 103(1). P. 1–46.

Bardhan, P. (2005). *Scarcity, Conflicts and Cooperation: Essays in Political and Institutional Economics of Development*. Cambridge MA: MIT Press.

Baron, R., Kenny, D. (1986). The Moderator-Mediator Variable Distinction in Social Psychological Research: Conceptual, Strategic, and Statistical Considerations // *Journal of Personality and Social Psychology*, Vol. 51 (6). P. 1173–1182.

Barro R. (1991). Economic Growth in a Cross-Section of Countries // *Quarterly Journal of Economics*, Vol. 106 (2). P. 407–443.

Barro R. (1996). Democracy and Growth // *Journal of Economic Growth*, Vol. 1(1). P. 1–27.

Barro R. (1999). Determinants of Democracy // *Journal of Political Economy*, Vol. 107(6). P. S158–S183.

Baumol W. (1998). Entrepreneurship: Productive, Unproductive, and Destructive // *Journal of Political Economy*, Vol. 98(5), P. 893–921.

Besley, T., Ghatak, M. (2010). Property Rights and Economic Development // *Handbook of Development Economics*, Vol. 5 / Eds. Rodrik D., Rosenzweig M. The Netherlands: North-Holland. P. 4525–4595.

Besley, T., Persson, T. (2011). *Pillars of Prosperity. The Political Economics of Development Clusters*. Princeton: Princeton University Press.

Boyco M., Shleifer A., Vishny R. (1997). *Privatizing Russia*. Cambridge MA: MIT Press.

Bresser Pereira L.C., Maravali J.M., Przeworski A. (1993). *Economic Reforms in New Democracies: A Social-Democratic Approach*. Cambridge: Cambridge University Press.

Coase R. (1960). The Problem of Social Cost // *Journal of Law and Economics*, Vol. 3(1). P. 1–44.

Diamond J. (1997). *Guns, Germs and Steel: The Fates of Human Societies*. New York: W.W. Norton.

Diamond, J. (2016). What Makes Countries Rich or Poor // *New York Review of Books*, June 7.

Diamond J., Robinson J. (2010). *Natural Experiments in History*. Cambridge MA: Harvard University Press, 2010.

Easterly W. (2001). *The Elusive Quest for Growth: Economist's Adventures and Misadventures in the Tropics*. Cambridge MA: MIT Press.

Easterly W., Levine R. (2003). Tropics, Germs, and Crops: How Endowments Influence Economic Development // *Journal of Monetary Economics*, Vol. 50 (1). P. 3–39.

Eggertson T. (1990). *Economic Behavior and Institutions*. Cambridge: Cambridge University Press.

Engerman S., Sokoloff K. (2000). Institutions, Factor Endowments, and Paths of Development in the New World // *Journal of Economic Perspectives*, Vol. 14(3). P. 217–232.

Epplé, D., Romano, R. (1996). Public Provision of Private Goods // *Journal of Political Economy*, Vol. 104(1). P. 57–84.

Gaber E., Polishchuk L., Stukal D. (2016). *Chronicles of A Democracy Postponed: Cultural Legacy of Russian Transition*. Mimeo.

Gallup J., Sachs J., Mellinger D. (1999). Geography and Economic Development // *International Regional Science Review*, Vol. 22(2). P. 179–232.

Gerring J., Bond Ph., Barndt W., Moreno C. (2005). Democracy and Growth: A Historical Perspective. *World Politics*, Vol. 57(3). P. 323–364.

Gerschenkron, A. (1962). *Economic backwardness in historical perspective*. Cambridge, MA: Harvard University Press.

Gibson J., Duch R., Tedin K. (1992). Democratic Values and the Transformation of the Soviet Union // *Journal of Politics*, Vol. 54(2). P. 329–71.

Glaeser E., La Porta, R., Lopez-de-Silanes F., Shleifer A. (2004) Do Institutions Cause Growth? // *Journal of Economic Growth*, Vol. 9 (3). P. 271–303.

Greif A. (1994). Cultural Beliefs and the Organization of Society: A Historical and Theoretical Reflection on Collectivist and

Individual Societies // *Journal of Political Economy*, Vol. 102(5). P. 912–950.

Greif A., Tabellini G. (2010). Cultural and Institutional Bifurcation: China and Europe Compared // *American Economic Review*, Vol. 100(2). P. 135–140.

Hall R., Jones C. (1999). Why Do Some Countries Produce So Much More Output Per Worker Than Others // *Quarterly Journal of Economics*, Vol. 114(1). P. 83–116.

Hellman J. (1998). Winners Take All: The Politics of Partial Reform in Post-Communist Transitions // *World Politics*, Vol. 50 (2). P. 203–234.

Hirschman A. (1970). *Exit, Voice, and Loyalty: Responses to Decline in Firms, Organizations, and States*. Cambridge, MA: Harvard University Press.

Inglehart R., Baker W. (2000). Modernization, Cultural Change, and the Persistence of Traditional Values // *American Sociological Review*, Vol. 65(1). P. 19–51.

Inglehart R., Welzel C. (2005). *Modernization, Cultural Change, and Democracy: The Human Development Sequence*. Cambridge: Cambridge University Press.

Kaufmann, D., Kraay A., Mastruzzi M. (2010). *The Worldwide Governance Indicators: A Summary of Methodology, Data and Analytical Issues* // World Bank Policy Research No. 4978.

Knack S., Keefer P. (1995). Institution and Economic Performance: Cross-Country Tests Using Alternative Institutional Measures // *Economics & Politics*, Vol. 7(3). P. 207–227.

Kuran, T. (1997). *Private Truths, Public Lies. The Social Consequences of Preference Falsification*. Cambridge MA: Harvard University Press.

La Porta R., Lopez-de-Silanes F., Shleifer A. (2008). The Economic Consequences of Legal Origins. *Journal of Economic Literature*, Vol. 46(2). P. 285–322.

Licht A., Goldschmidt C., Schwartz S. (2007). Culture Rules: The Foundations of the Rule of Law and Other Norms of Governance // *Journal of Comparative Economics*, Vol. 35(4). P. 659–688.

Lipset S. (1960). *Political Man: The Social Bases of Politics*. New York: Anchor Books.

Lizzeri, A., Persico, N. (2004). Why Did the Elites Extend the Suffrage? Democracy and the Scope of Government, With an Application to Britain's "Age of Reform" // *Quarterly Journal of Economics*, Vol. 119(2). P. 707–765.

Mauro P. (1995). Corruption and Growth // *Quarterly Journal of Economics*, Vol. 110(3). P. 681–712.

McGuire, M., Olson M. (1996). The Economics of Autocracy and Majority Rule: The Invisible Hand and the Use of Force // *Journal of Economic Literature*, Vol. 34 (1). P. 72–96.

Mishler W., Rose R. (2001). What Are the Origins of Political Trust? Testing Institutional and Cultural Theories in Post-communist Societies // *Comparative Political Studies*, Vol. 34(1). P. 30–62.

Murphy K., Shleifer A., Vishny R. (1991). The Allocation of Talent: Implication for Growth // *Quarterly Journal of Economics*, 113(2). P. 503–531

Murphy K., Shleifer A., Vishny R. (1993). Why Is Rent Seeking So Costly to Growth? // *American Economic Review* 83(2). P. 409–414.

Nunn, N. (2009). The Importance of History for Economic Development // *Annual Review of Economics*, Vol. 1. P. 65–92.

North D. (1990). *Institutions, Institutional Change and Economic Performance* // Cambridge: Cambridge University Press.

North, D. (1991). *Institutions* // *Journal of Economic Perspectives*, Vol. 5(1). P. 97–112.

North, D. (2009). *Violence and Social Orders* // *Annual Proceedings of the Wealth and Well-Being of Nations. 2008–2009* / Ed. E. Chamlee-Wright. Beloit College Press. P. 19–28.

North D., Wallis J., Weingast B. (2009) *Violence and Social Orders: A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History*. Cambridge: Cambridge University Press.

Nunn N. (2012) *Culture and the Historical Process* // *Economic History of Developing Regions*. Vol. 27(S1). P. 108–126.

Olson M. (1965). *The Logic of Collective Action: Public Goods and the Theory of Groups*. Cambridge MA: Harvard University Press.

Olson M. (1993) *Dictatorship, Democracy, and Development* // *American Political Science Review*, Vol. 87(3). P. 567–576.

Olsson, O., Hibbs, D. (2005). Biogeography and Long-Run Economic Development // *European Economic Review*, Vol. 49(4). P. 909–938.

Persson, T., Tabellini, G. (2000). *Political Economics. Explaining Economic Policy*. Cambridge MA: MIT Press.

Persson, T., Tabellini, G. (2006). Democracy and Development: The Devil in Details // *American Economic Review*, Vol. 96(2). P. 319–324.

Polischuk L. (2012). Misuse of Institutions: Lessons from Transition // *Economies in Transition: The Long Run-View* / Ed. G. Roland, Chippenham : Palgrave Macmillan. P. 172–193.

Polischuk L. (2013). Institutional Performance // *Oxford Handbook of the Russian Economy* / Eds. S. Weber, M. Alexeev. Oxford: Oxford University Press. P. 189–220.

Polishchuk L., Savvateev A. (2004). Spontaneous (Non) emergence of Property Rights // *Economics of Transition*, Vol. 12(1). P. 103–127.

Polishchuk L., Syunyaev G. (2015). Ruling Elites' Rotation and Asset Ownership: Implications for Property Rights // *Public Choice*, Vol. 162(1). P. 159–182.

Polischuk L., Sharygina Yu. (2016). Gating in Russia: Exit into Private Communities, and Implications for Governance // *Private Communities and Urban Governance. Theoretical and Comparative Perspectives* / Ed. A. Lehavi, Switzerland: Springer. P. 27–49.

Pop-Eleches G., Tucker J. (2016). *Communism's Shadow: Historical Legacies, and Political Values and Behavior*. Mimeo.

Przeworski A. (1991) *Democracy and the Market: Political and Economic Reforms in Eastern Europe and Latin America*. Cambridge: Cambridge University Press, 1991.

Przeworski A. (2004). The Last Instance: Are Institutions the Primary Cause of Economic Development? // *European Journal of Sociology*, Vol. 45(2). P. 165–188.

Przeworski A., Alvarez M., Cheibub J., Limongi F. (2000). *Democracy and Development: Political Institutions and Well-Being in the World*. Cambridge: Cambridge Univ. Press.

Putnam R., Leonardi R., Nanetti R. (1993). *Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy*. Princeton: Princeton University Press.

Robinson, J., Acemoglu D. (2006). Economic Backwardness in Political Perspective // *American Political Science Review* Vol. 100 (1). P. 115–131.

Robinson J., Torvik R., and Verdier T. (2006). Political Foundations of the Resource Curse // *Journal of Development Economics*, Vol. 79(2). P. 447–468.

Rodrik, D. (1996). Understanding Economic Policy Reform // *Journal of Economic Literature*, Vol. 34 (1). P. 9–41.

Rodrik, D. (2006). Goodbye Washington Consensus, Hello Washington Confusion? A Review of the World Bank's Economic Growth in the 1990s: Learning from a Decade of Reform // *Journal of Economic Literature*, Vol. 44(4). P. 973–987.

Rodrik D., Subramanian A., Trebbi F. (2004). Institutions Rule: The Primacy of Institutions Over Geography and Integration in Economic Development // *Journal of Economic Growth*, Vol. 9(2). P. 131–165.

Roland G. (2000). *Transition and Economics*. Cambridge MA: MIT Press.

Sachs, J. (2016). Government, Geography, and Growth. The True Drivers of Economic Development // *Foreign Affairs*, Vol. 91(5), 142–150.

Shiller, R., Boycko M., Korobov V. (1991). Popular Attitudes Towards Free Markets: The Soviet Union and the United States Compared // *American Economic Review*, Vol. 81(3). P. 385–400.

Shleifer, A., Treisman, D. (2005). A Normal Country: Russia After Communism // *Journal of Economic Perspectives*, Vol. 19(1). P. 151–174.

Solow R. (1956). A Contribution to the Theory of Economic Growth // *Quarterly Journal of Economics*, Vol. 70(1). P. 65–94.

Swan, T. (1956). Economic Growth and Capital Accumulation // *Economic Record*, Vol. 32(2). P. 334–361.

Tabellini G. (2008). Institutions and Culture // *Journal of European Economic Association*, Vol. 6(2–3). P. 255–294.

Tilly, Ch. (ed.) (1975). *The Formation of National States in Western Europe*. Princeton: Princeton University Press.

Williamson, J., Ed. (1996). *The Political Economy of Policy Reform*. Washington, DC: Institute for International Economics.

Об авторах

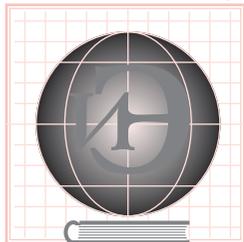

Тимур Владимирович Натхов
Кандидат экономических наук
Соискатель степени PhD
Университета Браун (США)
E-mail: timur.natkhov@gmail.com

Леонид Иосифович Полищук
Кандидат экономических наук
Профессор, заведующий Лабораторией прикладного
анализа институтов и социального капитала НИУ ВШЭ
E-mail: leonid.polishchuk@gmail.com

Российская академия наук

Институт экономики

Редакционно-издательский отдел:

Тел.: +7 (499) 129 0472

e-mail: print@inecon.ru

Сайт: www.inecon.ru

Научный доклад

Т.В. Натхов, А.И. Полищук

**Политэкономия институтов и развития:
как важно быть инклюзивным**

Оригинал-макет *Валериус В.Е.*

Редактор *Полякова А.В.*

Компьютерная верстка *Сухомлинов А.Р.*

Подписано в печать 07.02.2017. Заказ № 3

Тираж 300 экз. Объем 2,5 уч-изд. л.

Отпечатано в ИЭ РАН

ISBN 978-5-9940-0589-7

9 785994 005897